

Валерий Отяковский

Между самокритикой и самооправданием:

СЛУЧАЙ ЮРИЯ ПЕРЦОВИЧА

Valerii Otiakovskii

Between Self-Criticism and Self-Justification: The Case of Yuri Pertsovich

Валерий Отяковский (Тартуский университет, докторант кафедры русской литературы) valerii.otiakovskii@ut.ee.

Valerii Otiakovskii (PhD student of the Department of Slavic Studies, University of Tartu) valerii.otiakovskii@ut.ee.

Ключевые слова: Ю.С. Перцович, М. Горький, история фабрик и заводов, самокритика, Е.Я. Архиппов

Key words: Yuri Pertsovich, Maxim Gorky, history of factories and plants, self-criticism, Evgeni Arkhippov

УДК: 821.161.1+ 316.74
DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_104

UDC: 821.161.1+ 316.74
DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_104

Статья представляет собой комментарий к самокритическому докладу критика и библиографа Юрия Перцовича, а также к письму, которое он отправил Максиму Горькому. Эти документы, а также архивный источник, где оно было обнаружено (дело по исключению Перцовича из партии) заставляют задуматься о специфичной прагматике этого послания. Испытав на себе губительность неверно использованной до этого самокритики, в письме Перцович прибегнул к доверительной интонации, чтобы риторически оправдать себя не только перед лицом Горького, но и перед лицом всей системы.

This paper is a commentary on a self-criticism report by the critic and bibliographer Yuri Pertsovich and a letter he sent to Maxim Gorky. These documents, as well as an archival source featuring an account of Pertsovich's expulsion from the party, make one think about the specific pragmatics of this message. Having experienced the destructiveness of misused self-criticism before, in his letter Pertsovich resorts to a trustworthy tone in order to rhetorically justify himself not only before Gorky, but before the entire system.

Исследование истории практик — одна из важных областей «археологии советского». Во вступительной статье к настоящему блоку кратко описано развитие самокритики, которая была принципиально важна в дискурсивном поле, где советский субъект встречался с официальным миром, вертикалью власти. В самом основании самокритики лежит связка между аккуратным исполнением риторических правил и возможным прощением самокритикующегося, однако и здесь существует напряжение между этими двумя составляющими: чем дальше развивался советский проект, тем иллюзорнее была надежда на позитивный исход самокритического выступления, оно все очевиднее превращалось в пустой знак. Исследуемое поле довольно зыбко, поэтому сложно проводить в нем конкретные ограничительные линии и выделять стабильно работающие закономерности, но изучение конкретных примеров позволяет увидеть, какие были возможны стратегии для обхода правил, которые устанавливал авторитетный дискурс в этой жестокой игре покаяния.

Именно в этом смысле можно рассмотреть несколько документов, связанных с, казалось бы, предельно локальным конфликтом, который разгорелся на Ленинградском металлическом заводе им. Сталина в 1933 году. Главное

действующее лицо этого сюжета — Юрий Саввич Перцович (1902—1987), чья биография явно заслуживает специального внимания в контексте разговора о советских практиках¹. По образованию и культурному кругозору принадлежа к ленинградской интеллигенции, он постоянно был вынужден «мерцать» между разными статусами, разными институциями, разными, наконец, географическими областями. Уже в 1950-е годы он вполне отчетливо осознавал это, когда писал подруге юности:

Ты спрашиваешь, кто я? Сказать «да никто!» не поверишь, но это так. Никогда, ни на каком этапе жизни не был ни шире, ни глубже своей анкеты. Что ни делал, ничего не довел до конца, только до крыши. Мог ли? Может быть, если бы шел в ногу. А этого не получалось².

Перцович родился в провинциальном Новороссийске в еврейской семье, его отец был мелким кустарным торговцем. Трамплин для литературной карьеры он получил в Новороссийской гимназии, директором которой в то время был поэт-модернист, библиограф и коллекционер Евгений Яковлевич Архиппов (1882—1950). Хотя сам Архиппов вряд ли числил Перцовича среди своих любимцев³, ученик упоминал его как «человека, определившего мои вкусы, взгляды и весь жизненный путь»⁴. В 1921 году Перцович переехал в Краснодар, где стал участником поэтического кружка «Птичник»⁵, возглавляемого Елизаветой Дмитриевой, ранее прославившейся под псевдонимом Черубины де Габриак. Так он оказался под влиянием постсимволизма, эстетику которого ценил на протяжении всей жизни⁶. Проучившись год в Краснодарском университете, он переехал в Петроград, некоторое время был студентом Петроградского университета, однако был отчислен, после чего поступил в Институт истории искусств, оплот петербургской ветви формализма. Там он соприкоснулся и с авангардом, и с новейшей теорией литературы. Это важно для понимания его разносторонних взглядов, ведь, хотя основной сюжет этой статьи, построенной на партийных документах, показывает желание Перцовича стать пролетарским литератором, письма свидетельствуют о том, что его интересы не сводимы к официозу — вплоть до того, что в позднесоветские годы он читал самиздат и делился им⁷.

- 1 Ниже мы вынуждены неоднократно прибегать не к синхронным источникам, а к ретроспективной концептуализации Перцовичем собственного жизненного пути, поэтому, естественно, стоит учитывать эту дистанцию, наделяющую рассказы героя о своей биографии некоторыми художественными чертами.
- 2 Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф. 1306. Д. 333. Л. 3.
- 3 См.: [Нешумова 2007: 128—130; Архиппов 2016; Усов 2011].
- 4 РО РНБ. Ф. 1306. Д. 333. Л. 2.
- 5 Известной коллекционерке М.А. Торбин Перцович писал: «Я был членом этого кружка наименее творчески активным и больше внимал, чем выступал» (РО РНБ. Ф. 1306. № 371. Л. 1).
- 6 Помимо публикуемого ниже, его письма до 1940-х пока не обнаружены, но и в 1942-м, и в 1982-м он цитирует Иннокентия Анненского и Михаила Кузмина (с последним Перцович был знаком, см.: [Шумихин 2010: 85]).
- 7 Об этом нам сообщил А.Ю. Милитарев, также обсуждением самиздата полны письма к нему Е.А. Бекштрем (РО РНБ. Ф. 1306. № 477—480; ответных писем Перцовича не сохранилось); о его дружбе с С.Д. Довлатовым и А.Ю. Арьевым сообщает Т.Л. Никольская [Бреслер 2020: 241]. Увы, А.Ю. Арьев не детализировал это свидетельство.

В институтском деле Перцовича сохранилось заявление с просьбой освободить его от платы за обучение в институте:

В этом году обстоятельства снова поменялись в худшую сторону. Зарботки минимальные, об этом знают некоторые профессора (Тынянов, Казанский, Балухатый), благодаря которым я получаю время от времени ту или иную литературную работу, — а в академическом отношении этот последний год — самый трудный и напряженный, тем более что мне придется погашать старую академическую задолженность. Эта задолженность образовалась вследствие почти годичного промежутка в занятиях, когда я работал над собиранием полной библиографии М. Горького, которая к настоящему моменту окончена. Начиная работу, я просил Институт считать, что она делается для Института, что тогда же было принято⁸.

Этот документ показывает, что профессура видела в Перцовиче потенциал, хотя от взносов он и не был освобожден. О начале библиографической работы Перцович позже вспоминал так:

Есть в Ленинграде литературовед, член-корр. АН, П.Н. Берков. Мы знакомы много лет. Недавно, желая сказать мне приятное, он признался: «А знаете, ведь я начинал как египтолог. А вкусом к библиографии обязан Вам. В 1926 году я прочел Ваш отзыв о книге А.Г. Фомина и так заинтересовался, что тотчас побежал в магазин, купил книгу, и вот видите, стал библиографом».

А мне стало грустно от этого воспоминания, п[отому] ч[то] сам я стал им по нужде, студентом. С.Д. Балухатый, тоже чл[ен]-корр[еспондент], тогда преподаватель Инст[итута] Истории Искусств, где я учился, платил мне по рублю в день, чтобы я ходил в Публичку и составлял там список произведений Горького. Я просмотрел все журналы и газеты с 90-х гг. до 1917-го лист за листом и обнаружил ряд рассказов, статей, выступлений, которые Г. то ли не сохранил в своей феноменальной памяти, то ли не считал достойным собрания сочинений. Кроме того, я съездил в Тбилиси, наткнулся там в архиве охранки на совершенно неизвестное дело о Г., получил воспоминания уже умиравшего Пятницкого о том, как он запер Г. и не выпускал его до тех пор, пока он не запишет «Челкаша». Ну и т.д. Получилось объемно и достойно печати. Труд и был напечатан, но имени моего даже нонпарелью в нем нет⁹. И хотя по тем временам это считалось не весьма корректным, я был молод, в библиографы и литературоведы не собирался, и от души был благодарен «автору» за то, что он поддержал меня в трудные годы¹⁰.

Также «та или иная литературная работа», которую упоминает Перцович, была связана с критикой — он публиковал отклики на книги в «Звезде», «Ленинградской правде» и других изданиях, был рецензентом литературно-художественного отдела Ленотгиза, председателем Литературного объединения в Доме печати. В 1927 году стал членом Союза писателей, в 1928-м участ-

8 Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 59. Оп. 2, № 909. Л. 3.

9 См.: [Балухатый 1936].

10 РГАЛИ. Ф. 2996. Оп. 1. № 213. Л. 5 об. В связи с этим стоит привести фрагмент из мемуаров об Институте: «Зато материально большинству жилось трудно: стипендий у нас не было, за обучение надо было платить... Счастливчики [из студентов] становились “неграми” научных работников, подбирая по их заданиям материал для исследований из старой периодики. Эта работа оплачивалась низко, но обеспечивала зачет» [Голицына 1983: 78].

вовал в создании своеобразного архива русского модернизма при Институте истории искусств — кабинета современной литературы под руководством филолога Константина Шимкевича¹¹. Впрочем, уже через год он ушел с четвертого курса, став корректором «Ленинградской правды». Там он также не задержался надолго, проработав около года. Далее и развернулась интересующая нас история.

В августе 1930 года Перцович начал работать токарем на Ленинградском металлическом заводе им. Сталина. В официальных документах свое решение пойти на завод он прямо связывает с литературными исканиями:

Мне поручали давать отзывы о книгах в газете, основным читателем которой были рабочие. Мои статьи печатали, потому что я научился в Институте разбирать книги. Но я чувствовал, что мои статьи не имеют адреса, потому что я не знаю лица своего читателя. Я не мог проверить, доходят ли мои отзывы к нему, читает ли он их, соглашается ли с ними, правильно ли я пишу. Я решил, что как бы ни изучал я все, что писали классики марксизма о литературе, настоящим критиком я буду тогда, когда сам выварюсь в рабочем котле. Я мог бы заключить договор с каким-нибудь издательством и прийти на завод наблюдать жизнь и быт рабочих со стороны. Но я понимал, что никогда я так не узнаю завод, как если сам буду утром, вечером, ночью в цеху рабочим. Теперь я вижу, что не ошибся¹².

Простым токарем Перцович оставался недолго — вскоре он начал работать в заводской газете «Сталинец», писать тексты для плакатов, участвовать в межзаводских выставках и конкурсах. Приложил руку он и к написанию книги о заводе¹³. В конце 1931 года он стал кандидатом в партию, а 20 октября 1932-го получил свой членский билет. Очевидно, это открыло дальнейшие перспективы: еще будучи кандидатом, Перцович стал ответственным редактором истории завода.

Масштабный проект «Истории фабрик и заводов», инициированный Горьким, должен был решить задачу создания собственно пролетарской истории¹⁴. Авторами проекта должны были быть рабочие, поэтому Перцович подчеркивает свою вспомогательно-организационную функцию: «С самого начала я стремился так собрать, подготовить и проработать материал из истории завода, чтобы рабочий автор, который будет ее писать, получил наибольшее облегчение для этой работы, ему непривычной и к которой он не получил специальной подготовки»¹⁵. После он, видимо, написал и текст главы, но вскоре был снят с должности.

Вспоминая об этом много лет спустя, он пишет о своем уходе легко и даже радостно, ведь Перцович был переведен вслед за ценным начальником:

11 Отчет о научной деятельности Отдела Словесных Искусств ГИИИ с 1/1 1926 г. по 1/1 1928 г. // Временник отдела словесных искусств ГИИИ. Вып. 4. Поэтика. Л.: Asademía, 1928. С. 151.

12 Документы Комиссии по чистке парторганизации Ленинградского металлического завода им. Сталина // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р—1728В. Оп. 1. № 104295. Л. 2.

13 Две ударных: бригада токарей. Авдеев. Аптекман. Глухов. Кориллов. Маневич. Перцович. Рейн. Тихоненко. Шерер / Организатор кн. Д. Лаврухин. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1932.

14 См. об этом проекте: [Горький 1959; Журавлев 1997].

15 ЦГАИПД СПб. Ф. Р—1728В. Оп. 1. № 104295. Л. 2.

На Металлическом заводе дело обернулось так, что мне пришлось заняться историей завода. Я набил два шкафа документами, стенограммами воспоминаний подпольщиков, бесчисленными выписками из архивов и книг, редчайшими фотографиями и пр. Написал пять печатных листов — первые главы истории з[аво]да с 1857 до 90-х гг. И по зову Семячкина, перебравшегося в Хибиногорск, без тени сожаления бросил все это, как девушка из александрийских песен Кузмина — «потому что он не был тут, кого я любила»¹⁶.

На деле, однако, все было сложнее. Участие Перцовича в работе над историей завода обернулось конфликтом, который закончился побегом в другую часть страны.

Рассуждая о символической нагруженности горьковского проекта, Евгений Добренко заметил: «...обретая “историю”, “пролетариат” на глазах обретал плоть и кровь» [Добренко 2007: 277]. Генеалогия революционных настроений, очевидно, была главным содержанием первой главы «Истории», а степень участия старых рабочих в протестной деятельности — ресурсом, который распределялся между заслуженными пролетариями. Дочь одного из большевистских патриархов завода (Немцова) хотела укрупнить значение отца в «Истории», что не согласовывалось с материалами Перцовича — так, во всяком случае, выглядит история конфликта с его слов. При этом редактор с его неоднозначным происхождением и образованием оказался очень удобной мишенью для классово и методологической критики — на этом поле он не мог выиграть у дочери старого революционера. Немцова открыто выступила против Перцовича, после чего он решил, что его грехи могут быть искуплены докладом на конференции по истории завода, которая состоялась 1 июля 1933 года. В своем выступлении он обратился к классическому формату самокритики, надеясь, что этот жанр действительно облегчает участь говорящего. Привожу текст доклада полностью:

Товарищи, два дня тому назад на небольшом совещании старых большевиков мы слушали выступления лучших представителей революционного подполья на нашем заводе, тт. НЕМЦОВА и СУДАКОВА. Мы слушали их славные биографии, мы видели, с какой большевистской прямоотой рассказал т. СУДАКОВ, член партии с 1897 года, о своих ошибках в дореволюционной работе, о том, как будучи внутренне с партией, действуя заодно с партией, он два или три года формально не был с ней связан, стгоряча эту связь оборвав.

И слушая старого большевика, я сделал для себя вывод.

Мною написана первая глава по истории завода, глава, которая должна открыть книгу. Я писал эту главу, добросовестно изучая материал, но материал повел меня в сторону, я не сумел справиться с ним и написал главу неправильно, допустил в ней грубые ошибки. Главная из них заключалась в том, что, узко поняв Ленина, я показал только, как боролись друг с другом, пожирая друг друга, капиталисты. А должен я был показать, как рос и формировался в классовой борьбе с капиталистами пролетариат.

Мне указывали на мои ошибки в консультации областной редакции. Меня резко покpыла за них НЕМЦОВА в крайне тяжелой для меня обстановке. Я соглашался с тем, что допустил ошибку, не отказывался от нее, но не понимал всего значения этого дела.

16 РГАЛИ. Ф. 2996. Оп. 1. № 213. Л. 5. У Кузмина — «тот, кого я любила».

Мне казалось самым важным доказать, что я стал на неверную позицию не сознательно, не нарочно. А дело было совсем не в этом. Сейчас, в период ожесточеннейшей классовой борьбы, особенно острой на идеологическом фронте и особенно вокруг истории заводов, которую наши классовые враги пытаются заставить нас написать по-своему, не по-большевистски, — сейчас не то важно, хотел ты или не хотел ошибиться, а то, что каждая просмотренная, проскользнувшая ошибка становится объективно орудием в руках врага против нас.

Сейчас я понимаю, что, как бы ни верила в мою личную честность и преданность делу партии т. НЕМЦОВА, она обязана была по-большевистски, со всей резкостью, лучше прибавив, чем уменьшив, именно в такой обстановке, как это было, указать мне на неправильность моей позиции, чтобы заставить меня крепче подумать и пережить свою ошибку.

Я ссылаясь на недостаток документов и на отсутствие живых людей того времени. Но если я большевик, я должен сказать себе — ты должен достать материал, чего бы это ни стоило. Ты должен был так учиться у Ленина, так овладеть марксо-ленинским методом, чтобы из скупых, незначительных намеков, которыми ты располагаешь, построить большевистскую главу, такую главу, в которой классовая борьба будет на каждой странице, как она была в каждом дне жизни.

Другая моя грубая ошибка относится к моей работе в качестве оргработника по истории завода. Когда меня поставили на эту работу, я имел за плечами всего три месяца кандидатского стажа, совсем не знал истории завода и плохо знал историю партии. Мне казалось, что на вечере воспоминаний старых большевиков завода, которым мы открыли нашу работу, задача моя заключается в том, чтобы вытащить побольше фактов, а что политические извращения, допущенные б[ывшими] эсерами на этом вечере, исправят другие.

Но это было неправильно. У меня за плечами был высокий уровень общей культуры, вполне достаточный для того, чтобы, не дожидаясь, пока дадут отпор другие, дать его самому. Я должен был завтра же, имея в руках стенограмму, которую я проработал, испещрил вопросами и замечаниями, собрать эти замечания и пустить ее в «Сталинце». А я остановился на полдороге и отложил стенограмму в сторону в ожидании, что придет автор данной главы, использует мои заметки и уже в самой книге даст верное освещение событиям. Надо было драться не только книгой по истории завода, но и в процессе работы над этой книгой.

Все это я продумал, товарищи, в связи с выступлением СУДАКОВА. Очевидно, не только большевистской борьбе, но и большевистской самокритике должны мы учиться у старых большевиков. Сила примера, сила урока, нечаянно данного мне СУДАКОВЫМ, долго не будет мною забыта. Я очень ему благодарен за этот урок. Я убежден, что в его лице, в лице тт. Шестакова, Алексеева, НЕМЦОВА, МИХАЙЛОВА, ЧУДИНА, СЯРРК и других старых большевиков, здесь присутствующих, мы можем заверить всю нашу старую гвардию, что книга по истории нашего завода, в которой немало славных страниц будет посвящено ей, будет свободна от политических ошибок и извращений, вольных или невольных¹⁷.

Кажется, здесь мы имеем дело с каноничным примером жанра: автор высказывания десубъективизируется и претендует на объективную, внеперсональную оценку собственных действий. С точки зрения коллектива/партии он уничижает аргументацию собственных действий, данную ранее, и дезавуирует свою классовую ограниченность, демонстрируя таким образом почти что «диа-

17 ЦГАИПД СПб. Ф. Р—1728В. Оп. 1. № 104295. Л. 7—8.

лектический переход», и именно этим, по логике высказывания, достигая очищения. По сути, Перцович лишь распространяет фразу, записанную Л.Я. Гинзбург: «Всякая чистка и проверка ценна для меня тем, что она нейтрализует то объективное зло, которое я представляю» [Гинзбург 2002]. Однако дальнейшие события показали, что выбранная стратегия оказалась неудачной. Враждебно настроенная к Перцовичу Немцова воспользовалась его выступлением, чтобы ударить по нему как можно больнее: саморазоблачение Перцовича стало основным аргументом во время чистки, начавшейся уже на следующий день. Итоговое решение комиссии также привожу целиком, так как потом исключаемый из партии отвечал на него по пунктам:

При чистке установлено, что т. ПЕРЦОВИЧ Ю.С., сын собственника шапочной мастерской (отец в гор. Новороссийске с 17 года и в 20 г. при белых имел шапочную мастерскую). Т. Перцович имеет высшее образование и, по его словам, до 1920 года в Новороссийске при белых занимался преподаванием уроков. Считает себя писателем, критиком, и его интересует исключительно описание быта из жизни рабочих и их революционная борьба за социализм. Стремился, по его словам, в 29 году вступить в ряды ВКП(б) на заводе им. Сталина, но был цехячейкой отклонен.

В 1930 году тов. Перцович поступил на завод им. Сталина в бригаду расточников с целью получения себе рабочего стажа и доверия парторганизации для вступления в партию. В 1931 году т. Перцович был принят в ряды партии и получил от Парткома задание работать по составлению истории завода.

Будучи в рядах партии и имея спец. литературную и политическую подготовку, тов. Перцович, вместо того что[бы] использовать марксистско-ленинский метод и изучить через старых рабочих-производственников и по парт. документам историю революционной борьбы рабочих на заводе — сознательно допустил антипартийное трактование истории революционной борьбы на заводе, тем самым пытаясь обманым путем проташить чуждую для партии и рабочего класса идеологию.

Эта антипартийная попытка была вскрыта и только благодаря бдительности парторганизации завода и других организаций. На общезаводской конференции по истории завода 1 (передовая от 10)¹⁸/ VII признался в своих «грубых» ошибках и в том, что он «узко понял Ленина» и показал только, как боролись друг с другом капиталисты.

Тов. Перцович, как член партии до сегодняшнего дня остался верным своей буржуазной идеологии, не понимает марксистско-ленинской теории в классовой борьбе рабочих. Кроме того, с целью вернуть себе доверие парторганизации, Перцович, когда началась чистка на заводе, стал проявлять активность, предлагая свои услуги для занятий со старыми производственниками, как это доказывают выступающие т. Немцова и Никулин. Для того чтобы получить хорошую характеристику к чистке партии и обеспечить себе дальнейшее пребывание в рядах ВКП(б).

Это обстоятельство как нельзя лучше характеризует истинное лицо «коммуниста», готовящегося к очередной чистке партии посредством предложения «своих услуг» по подготовке старых рабочих завода.

ПОСТАНОВИЛИ:

Ввиду того, что тов. Перцович пришел в ряды партии из мелкобуржуазных слоев с чуждой для партии классовой идеологией, которую он сохранил до на-

18 Видимо, здесь имеется в виду, что текст доклада Перцовича был напечатан в заводской газете.

стоящего времени и будучи в рядах партии ничем себя как коммунист не проявил. В качестве оргработника по составлению истории завода пытался протаскивать троцкистские трактовки как основное положение в работе по составлению истории завода. Как идеологически чуждого и неустойчивого из рядов партии исключить¹⁹.

Это решение оказалось шокирующим для Перцовича. Он дважды подал на апелляцию, но оба раза не смог объяснить сфабрикованности обвинений против себя, так как они основаны на его же выступлениях. Все это явно сказалось на его состоянии: 5 сентября Перцович оказался в психиатрической больнице с диагнозом «астения, вегетативный невроз»²⁰. Там ему нужно было придумать следующий шаг. Очевидно, он понимал ничтожность собственных попыток добиться справедливости на официальном уровне — против него были выдвинуты обвинения, исходящие из логики самой идеологии, возразить им нельзя, они верны, ибо истинны. Категории, к которым он сам и прибегнул в процессе самокритики, были неумолимо однозначны. Риторика советского документа ограничивала возможность противостояния системе, а поэтому Перцович должен был найти иной путь, позволяющий ему выйти за рамки дискурса публичного оправдания, оставшись при этом в поле допустимого. Этим иным путем стало обращение к Максиму Горькому.

Находясь в больнице, Перцович пишет длинное послание вождю советской литературы. Практически загнанный в угол, он придумывает довольно сложный тактический маневр, позволяющий ему преодолеть ту рамку, в которую он сам себя вписал неудачным самокритическим выступлением. Этот документ интересен не только с точки зрения исследования самокритики, но и с точки зрения интеллектуальной истории (см. отзыв Перцовича о своих учителях-формалистах) и в некотором смысле с точки зрения истории литературы.

Письмо публикуется по машинописи, приложенной к личному делу в партийном архиве²¹. Без оговорок исправляются мелкие описки и авторские написания типа «лойяльнее», «итти», «апелляцию». Пунктуация в основном приведена к нормативной. Примечания наши, разрядка авторская.

Дорогой Алексей Максимович,

В 1924 г., еще студентом Института Истории Искусств, по поручению И.А. Груздева я собирал материал к библиографии Ваших произведений и к Вашей биографии. Опыта у меня, конечно, никакого не было, но все же, пользуясь советами и указаниями А.Г. Фомина, я составил картотеку тысячи в две с половиной названий. Один только список журналов, просмотренных мною за полгода, вылился в самостоятельную библиографию штук в семьсот карточек.

В процессе работы возникали вопросы, разрешить которые могли бы только Вы. Мне очень хотелось расспросить Вас обо всем непосредственно, но удерживали нелепая стеснительность и мысль, что очень уж пользуются все и по всякому поводу Вашей, вошедшей в поговорку, внимательностью. Я передал свои вопросы И.А. вместе с материалами тифлисского музея, на которые мне указал т. Калужный, когда я заходил к нему, путешествуя по Кавказу.

19 ЦГАИПД СПб. Ф. Р—1728В. Оп. 1. № 104295. Л. 5.

20 Там же. Л. 8.

21 Там же. Л. 15—24.

Потом, в 1927 г., после первой своей критической статьи в «Звезде» (она была одновременно первой критической статьёй о Сергее Семенове)²² я хотел написать Вам, как обрадовало меня, что Вы нашли ее правильной. И.А. говорил мне тогда, что Вы отметили это в одном из своих к нему писем²³. И опять подумал — очень уж малый повод это, чтобы отнимать у Вас время.

И вот теперь, Алексей Максимович, я не могу не написать Вам — человеку, писателю и главному редактору истории заводов. Я не чувствую стеснения, потому что факт, о котором я хочу рассказать, шире по своему значению, чем случай из личной биографии. Он имеет отношение к тому великому процессу психологической переделки интеллигенции, который Вы не устаете отмечать в книгах, письмах и статьях.

Я хочу сразу оговориться, Алексей Максимович. Я родился в 1902 г. и, следовательно, принадлежу к той группе мелкобуржуазной интеллигенции, которая формировалась в пореволюционные годы, но вкусы, культуру и образование свое получила из рук представителей старой науки, далеких, иногда прямо враждебных марксизму.

Вам ли, Алексей Максимович, я должен рассказывать о роли формалистов. Больно сейчас признаваться в этом, но ведь гражданская война и нэп, и борьба партии с оппозициями, и все, чем жила страна в первое десятилетие революции, — все это прошло, в сущности, мимо, внутренне затрагивая и интересуя постольку, поскольку это находило себе отражение в художественной литературе. Да и эти рамки суживались, потому что, разбирая классиков, снисходя до футуристов и серапионов, в институте полагали дурным тоном ставить темы пролетарской литературы. А если и ставились раз в году такие доклады профессурой и аспирантами, то ведь только для того, чтобы с доступным остроумием высмеять, поиздеваться над художественной беспомощностью пролетарских писателей.

Что-то я не понимал тогда, что именно не нравилось мне в этой атмосфере, портило отношения со студентами, державшими себя лояльнее монархов. Я делал в своих семинарских докладах наивные попытки выбиться куда-то в сторону. Эти попытки вызвали иронические усмешки у преподавателей и тащили прочь с рельс благополучного академического ученичества, по которым отлично можно было докатиться до аспирантуры. Я ушел с последнего курса, не умея ответить себе четко почему, но с чувством глубокой неудовлетворенности.

Классовый характер институтской учебы стал мне ясен много позже, когда расправила гигантские крылья пятилетка. Я работал в «Лен. Правде» литературным рецензентом и корректором. Может быть, тут есть доля смешного, но именно в эти ночи, правя корректуру, я понял, что политические и экономические статьи, которые сейчас наберут и отпечатают, утром разлетятся по адресам не только почтовым, но и с о ц и а л ь н ы м.

Я понял, что у моих рецензий нет социального адреса и что при всей своей внешней грамотности они лишены основного — живой и конкретной связи между автором и читателем. Я разбирал книги рабочих и книги о рабочих, имея о рабочих представление только из книг и газет. Эта простая идея была мне таким откры-

22 См. также: *Перцович Ю.С.* Республика на экзамене // Звезда. 1927. № 8. С. 140—149.

23 Имеются в виду слова Горького: «А вот в “Звезде” рецензии — хороши! И очень хорошо написано о Семенове, писателе действительно замечательном» [Переписка 1966: 160].

тием, что на следующий же день я отправился на завод. У меня были достаточные знакомства, чтобы можно было идти на завод, обеспечив себя договором с издательством. Но мне казалось, что надо идти обыкновенным рабочим, если хочешь все по-настоящему увидеть и оценить. Мне было все равно куда идти, и по чистой случайности я попал на завод им. Сталина.

Глубокое внутреннее значение работы писателя на заводе осталось до сих пор недоступным иным из больших мастеров слова. Иронически улыбаясь, они острят о наблюдающейся тенденции к «хождению на завод». Но в этой тенденции есть нечто большее, чем только повод для каламбура. Мне это особенно ясно, потому что двухлетнее постоянное общение с рабочими в цеху совершенно перевернуло меня и оказало неоценимую услугу в дальнейшей работе над историей Металлического завода. Оно дало мне огромный материал для написания и во всяком случае для суждения о том, какой должна быть «Поднятая целина» производственного романа.

Работая в бригаде токарей, я помог Д.И. Лаврухину в его работе с начинающими рабочими авторами. Я посылаю Вам и прошу перелистать написанную нами книжку «Две ударных» прежде, чем читать письмо дальше. Она многое пояснит.

Семячкин был идеальным массовиком и организатором, и он умел индивидуально подходить к людям. Он все улавливал на лету и обладал достаточным количеством своей инициативы, чтобы не считать личным убытком чужую. Он был переброшен в Хибины еще в первый год работы над историей завода в начале 1932 г. После его отъезда мы вместе с культпропом Кожарским очень дружно работали. Тщательно собирали материал. Составили обширную, очень детальную (чуть ли не по дням) летопись событий революционной жизни завода. Построили первую в Союзе (и кажется, поныне остающуюся лучшей) постоянную заводскую выставку по истории завода. Регулярно выпускали страничку «истории завода в помощь партучебе» и радовались похвалам печати и Райкома. Берегли каждого человека, приходившего к нам или писавшего нам, прослышав о том, что готовится великая книга. Мы портили себе отношения с областной редакцией, потому что она много обещала, еще больше требовала и ничем реально не помогала. Мы портили дружбу с работниками нового парткома, потому что выставку они считали пустым делом (и все норовили убрать ее: «мешает повседневной работе, да и пора переклеивать обои»), а к истории заводов относились с плохо скрываемым, но глубоким равнодушием.

Кожарского взяли в политотдел, его заменила Немцова, дочь старого рабочего нашего завода, теперь члена коллегии Верхсуда. Она рассказала мне, что сама просила послать ее культпропом на завод Сталина, потому что хочет обеспечить отцу то место в истории завода, какого он заслуживает.

Немцов работал на заводе всего несколько месяцев, но он играл выдающуюся роль в 1905 г., и в главе об этом годе ему будет, конечно, посвящено немало хороших страниц. Но у Немцовой как-то так получалось, что вообще единственным, безусловным, проверенным и высоко авторитетным большевиком на заводе был он, все же другие были, ну, как бы выразиться — «неполноценными», что ли, представителями старой гвардии.

Это была очень неожиданная установка, принять которую значило отказаться от фактов, от метода, от логики и пр.

Я счел себя вынужденным отказаться от должности освобожденного орг. работника. Заявление мое не приняли. Чувство ответственности и партийная дисциплина обязали меня остаться. Но работать было немыслимо в атмосфере истерической и грубой настойчивости, с какой Немцова считала законным проводить свою странную «линию».

Она забирала себе всю работу, ничего не делая и ничего не позволяя делать за себя. Перед майскими праздниками она предложила мне выписать ей 500 рублей для поездки в Москву. Я осторожно намекнул ей, что с 1-го по 5-ое мая, в дни, которые она там пробудет, архивы будут закрыты, что в открытых московских архивах надо работать не три дня, а недели, как сделали Карло-Марковцы²⁴, что командировать туда надо опытного историка или писателя, что денег у нас очень мало и что нужно брать пример с тех же Карло-Марковцев, ухитрившихся там прожить месяц втроем на 350 руб.

Но она была не из тех людей, что терпят вмешательство в «свои» дела и решения. Отношения наши сделались еще более натянутыми. Мне было жалко денег, и я пошел к другим членам бюро. Мне говорили, криво улыбаясь, что она-де не маленькая, за свои поступки будет отвечать сама и пр. Ей дали 250 рублей. Остальные, и это было особенно возмутительно, она взяла у Зав. заводской совпартшколой из сумм, собранных среди рабочих на самолет «Крылья ленинизма».

Она вернулась без материала по истории завода и без документов, оправдывающих ее расходы. Три месяца я ходил к секретарю, и каждый раз он соглашался со мной, что это безобразие и что далеко не только в этом безобразии, но и в том, что история завода стоит на мертвой точке, что выставка не используется для массовой работы и т.д. Но после каждого разговора мне становилось ясней, что моя «назойливость» только неприятна.

На созванной обл. редакцией конференции по истории заводов я отметил, что общественные организации завода могли бы помогать нам больше, чем они это делают на самом деле. Узнав об этом, Немцова вышла из себя: «Как ты смел, кто дал тебе право возводить поклеп на партию. Ты сделал грубейшую политическую ошибку. Ты оклеветал завод и т.д.»

Простите мне эти подробности, дорогой Алексей Максимович. Я рассказываю их не для портрета Немцовой, а для того, чтобы дать представление о той нездоровой атмосфере, которая создалась к моменту чистки организации.

Немцова выступила против. Авторитет члена бюро парткома и незнание подлинного положения вещей рабочими решили дело. Действительно: интеллигент, сын кустика, «считающий себя писателем», «пробравшийся на завод» и т.д. и т.п. все это очень легко поддается любому «разоблачению».

Выписка из протокола цеховой комиссии по чистке, которую я посылаю Вам вместе с письмом, показывают, что комиссия «установила» ряд вопиющих фактов:

— что я пытался вступить в партию на заводе Сталина в 1929 году (хотя я впервые прошел ворота завода в августе 1930 года, впервые подал в партию в октябре 1931 г. и был принят сразу),

— что я преподавал при белых (хотя мне было ровно 16 лет и я репетировал сына соседа по двору),

24 То есть рабочие Ленинградского механического завода им. Карла Маркса.

— что я «считаю себя писателем» (хотя я состою членом ВССП²⁵ с 1927 г. и до завода жил только литературным заработком),
— что я стал «проявлять активность перед самой чисткой, предлагая свои услуги для занятий со старыми рабочими» (хотя я всю зиму до этого был активнейшим пропагандистом парткома и хотя мой кружок получил лучшую оценку при проверке его знаний бригадой ЛОКА²⁶),
— что работая со стариками, я имел ввиду обеспечить себе хорошую характеристику при чистке (хотя дружба и оценка стариков были мне давно обеспечены всей работой моей по истории завода, о которой они знали лучше, чем кто бы то ни было). Позже я узнал, что рабочие приходили в П[артийный] К[омитет] и дали обо мне хорошую характеристику, но им объяснил заворотделом, что я уже два года старался завоевать себе доверие партии, но что все это нужно для того, чтобы потом начать вредить. Что им оставалось возразить против такой аргументации «возможным вредительством в будущем»?

Все эти обвинения отпали сразу на заводской комиссии, когда она разбираала апелляцию. Очень уж искусственно и неубедительно звучали «факты», установленные цеховой комиссией со слов Немцовой.

Но главный пункт обвинения остался: сознательное протаскивание буржуазной идеологии в моей главе по истории завода.

Я был единственным из всего коллектива наших авторов, который написал главу. Мне поручили период с 1857 года до 1904. Доведя изложение до 1875 г., наполнив богатейшим нетронутым материалом 25 печатных листов (как пригодился мне библиографический опыт 1924 г.), я отнес эту часть в областную редакцию. Мне сказали на консультации (Меламед, Балабанов, Попов), что ее можно хоть сейчас напечатать в «Красной летописи», как самостоятельное исследование, как материал для истории промышленной буржуазии, — но для «истории завода» она нуждается в больших дополнениях данными о борьбе пролетариата с капиталистами.

Я просил сказать мне прямо, не считают ли консультанты, что работа должна быть написана заново и поручена кому-нибудь другому.

Мне ответили, что я вполне могу с ней справиться, что ошибки мои — результаты недостаточной методологической подготовки и недостаточно глубокого изучения Ленина.

Это я и передал на заводе и только на основании моего пересказа, не имея отрицательного отзыва т. Меламеда (ЛОКА), не прочитав глазами, меня обвинила Немцова, а за ней цеховая и заводская комиссии по чистке в сознательном извращении, протаскивании буржуазных идей и т.д.

Алексей Максимович, я понимаю так, что если исключат из партии члена союза писателей, то это факт компрометирует не только его, но и всю писательскую организацию. Я состою членом ее с 1927 года и сейчас считаю правильным оправдать себя не только перед партией, но и перед оргкомитетом союза.

Год назад Казаков и Слонимский спрашивали меня, не мой ли огромный портрет выставлен в аллее ударников в парке Культуры и Отдыха? Да, там стоял портрет бригадира лучшей хозрасчетной бригады завода, получившей в 1932 году вторую

25 Всероссийский союз советских писателей.

26 Ленинградская областная коллегия адвокатов.

премию по союзу и третью по городу. А сейчас я избегаю их, потому что они могут спросить меня, не обо мне ли говорится в отчете вечерки²⁷, что я «пролез в партию и пр.» Это не самолюбие, это горячий стыд и боль за ту часть писательской молодежи, которая вместе со мной перевоспитывала себя на заводах после формалистских ин[ститу]тов, которая из вагона попутчиков, куда вольно или случайно попала, пересаживалась, заслужив это право, в вагон единой пролетарской литературы.

Вам нельзя солгать, Алексей Максимович. Невозможно солгать человеку, который всю жизнь учил воспитанию правдой, которому досконально известны «и вкус и цвет и запах» правды. Я читал очень много из того, что Вами написано в книгах, журналах и газетах. Я помню беспощадные отклики Ваши на письма интеллигентов, в которых Вы обнаруживали фальшь, неискренность, субъективную или объективную ложь. Я не решился бы писать Вам, если бы не чувствовал себя правым. Я не п р о б р а л с я в партию. Я никого не обманывал. И мне очень трудно сейчас потому, что я не знаю, как должен я поступить, если искренность, прямота и честность упорно воспринимаются как корысть, хитрость и подлог.

Мне стало известным, что один из членов заводской комиссии по чистке горячо отстаивал меня против двух других. Это был председатель районной партколлегии. Он понял меня, как понимал Семячкин, как понимал Кожарский, как понимали старики рабочие, с недоумением пожимавшие плечами и молча, крепко, по-хорошему жавшие мне руку. Алексей Максимович, я думаю, что не партия исключила меня, а партком, и когда меня спрашивают коммунист ли я, я отвечаю — да.

Я хочу писать историю завода, я знаю и люблю людей и материал, и идеи, которыми должна быть пронизана эта книга. Я писал одну главу, но мыслил целой книгой и каждому из авторов, которые появлялись у нас, чтобы тотчас исчезнуть, я рассказывал его факты, его героев, его места на заводе. Не анекдот ли, что, когда после чистки секретарь П.К. Иванов спросил Немцову, как будем мы теперь с Перцовичем, она совершенно серьезно ответила: «с орг. работы я его, конечно, сняла, но как автор он будет работать».

— Ну как, будешь работать? — спросил Иванов. И я должен был «осветить» ему нелепость положения, в котором окажется П.К., сняв члена партии за грубые политические ошибки с полутехнической работы и оставив его на ответственной идеологическом участке.

Теперь я работаю экономистом.

Алексей Максимович, простите за слишком длинное письмо. Но, как много ни написал я, а не сказал всего и не сказал так, как нужно. Главное в том, что нужно писать книгу, в которой Перцович или Немцова могут быть или не быть, но в которой должен быть показан завод, каким я его видел, каким люблю и горжусь.

Единственный экземпляр главы, который у меня сохранился, я отдал на прочтение М.М. Шкапской, доверием которой и личным хорошим отношением к себе я очень дорожу. Как только он ко мне вернется, я дошлю его Вам. Если Вы найдете, Алексей Максимович, что обвинения, предъявленные мне тяжелее, чем моя действительная вина, напишите мне об этом краткую записку. Она даст мне ту уверенность, чтобы писать мою книгу и чтобы чувствовать себя по-прежнему достойным партии и союза советских писателей.

27 То есть «Вечерней красной газеты».

Одной из ярких черт этого письма является балансировка между субъективным и коллективным. В отличие от самокритического доклада, где Перцович был вынужден судить о своих поступках сугубо с точки зрения классовой схемы, здесь мы видим, как он объективирует личные мотивы через общественную проблематику — его письмо заслуживает прочтения не потому, что Перцович собирал библиографию о Горьком, но потому, что в этом тексте, как в линзе, отражаются проблемы горьковского проекта истории заводов. Его исключение из партии нежелательно не потому, что от этого страдает Перцович, а потому, что это порочит писательскую организацию. Как и в докладе, автор вписывает себя в исторический нарратив (например, в антиформалистскую кампанию), но здесь это служит уже не для отмены собственного прошлого ради перерождения, а для обрисовки сложных условий, в которых он был вынужден действовать именно так, как он действовал. Классовая мотивировка на этот раз не обвиняет, а оправдывает Перцовича.

Перескоки тона с личного на публицистический, с публицистического на самооправдательный связаны со специфичной прагматикой письма, ибо оно написано не только самому Горькому. Хотя письмо было отправлено и даже дошло до адресата, ни ответа писателя, ни других писем от Перцовича не сохранилось²⁸. Пострадавший прикладывает это письмо как *официальный* документ к записке в партийную ячейку — именно оно позволяет ему обрисовать ситуацию прямо, не увязая в болоте номенклатурной схоластики, в рамках которой у него нет шансов. Именно поэтому он так подробно описывает мелкие детали, явно нерелевантные для Горького, но имеющие опасность компромата для заводской партиячейки («Простите мне эти подробности, дорогой Алексей Максимович»). Увидев неадекватность режима официальной самокритики, Перцович перешел в режим полуофициального самооправдания.

Помогло ли ему это? Испугалось ли начальство возможности вмешательства Горького? Вопрос спорный, ибо в дело включился бывший начальник Перцовича Кожарский, написавший ему отличную рекомендацию. 20 ноября того же года постановление об исключении из партии было отменено, но сам Перцович, понимая нестабильность собственного положения, не мог остаться на заводе. По запросу другого бывшего начальника, Семячкина, он был переведен в Хибиногорск, где ему была поручена краеведческая работа. В 1934 году Хибиногорск был переименован в Кировск, а Перцович стал директором местного музея памяти убитого вождя.

Дальнейшая биография Перцовича показывает, что увороты от наказаний судьбы стали его профессиональным умением, ему удалось выжить в начавшейся мясорубке репрессий. Он был арестован, однако быстро оказался на свободе и стал музейным работником в Мурманске, затем прошел всю войну, окончив ее в звании майора. После в стране начался расцвет системного антисемитизма, а вместе с ним — второе исключение из партии²⁹, скитания Перцовича за пределами крупных городов. После смерти Сталина он вернулся в Ленинград и в городе своей юности возобновил прежние занятия — до пен-

28 За справку в Архиве А.М. Горького (ИМЛИ РАН) благодарю Г.Э. Прополянис.

29 В новой критической ситуации Перцович постарался повторить демарш 1933 года, написав уже Сталину (РО РНБ. Ф. 1306. № 369). Однако в этом документе нет того же напряжения между частным и социальным, поэтому второе послание Перцовича во власть не представляет специального интереса.

сии работал библиографом в Публичной библиотеке, да и после продолжал участвовать в специальных изданиях как редактор. Жизнь, описавшая круг.

Библиография / References

- [Архиппов 2016] — *Архиппов Е.Я.* Рассыпанный стеклярус / Сост., подгот. текста и коммент. Т.Ф. Нешумовой: В 2 т. М.: Водолей, 2016.
(*Arkhipov E.Ya.* Rassypannyi steklyarus: In 2 vols. Moscow, 2016.)
- [Балухатый 1936] — *Балухатый С.Д.* Литературная работа М. Горького. Список первопечатных текстов и авторизованных изданий 1892—1934. Л.: Academia, 1936.
(*Balukhaty S.D.* Literaturnaya rabota M. Gor'kogo. Spisok pervopchatnykh tekstov i avtorizovannykh izdaniy 1892—1934. Leningrad, 1936.)
- [Бреслер 2020] — *Бреслер Д.М.* Советские «эмоционалисты»: чтение Вагинова в 1960—1980-е // Новое литературное обозрение. 2020. № 164. С. 233—260.
(*Bresler D.M.* Sovetskie “emotsionalisty”: chtenie Vaginova v 1960—1980-e // *Novoe literaturnoe obozrenie.* 2020. № 164. P. 233—260.)
- [Гинзбург 2002] — *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПб, 2002.
(*Ginzburg L.Ja.* Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Esse. Saint Petersburg, 2002.)
- [Голицына 1983] — *Голицына В.Г.* Наш институт, наши учителя // Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М.: Советский писатель, 1983. С. 73—84.
(*Golicyna V.G.* Nash institut, nashi uchitelya // *Vospominaniya o Yu. Tynyanove. Portrety i vstrechi.* Moscow, 1983. P. 73—84.)
- [Горький 1959] — М. Горький и создание истории фабрик и заводов. Сборник документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов / Ред. И. Бачило. М.: Изд-во соц.-эконом. лит., 1959.
(M. Gor'kiy i sozdanie istorii fabrik i zavodov. Sbornik dokumentov i materialov v pomoshch' rabotayushhim nad istoriey fabrik i zavodov / Ed. by I. Bachilo. Moscow, 1959.)
- [Добренко 2007] — *Добренко Е.А.* Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
(*Dobrenko E.A.* Politekonomiya sotsrealizma. Moscow, 2007.)
- [Журавлев 1997] — *Журавлев С.В.* Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 30-х годов. М.: ИРИ РАН, 1997.
(*Zhuravlev S.V.* Fenomen “Istorii fabrik i zavodov”: gor'kovskoe nachinianie v kontekste epokhi 30-kh godov. Moscow, 1997.)
- [Нешумова 2007] — *Нешумова Т.Ф.* Невидимый трилистник: Черубина де Габриак, Д.С. Усов, Е.Я. Архиппов // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия: Материалы Четвертых Герцыковских чтений в г. Судак 6—10 июня 2005 / Сост. Т.Н. Жуковская, Е.А. Калло и др. М.; Симферополь; Судак: Дом-музей Марины Цветаевой; Крымский центр гуманитарных исследований. 2007. С. 119—161.
(*Neshumova T.F.* Nevidimyy trilistnik: Cherubina de Gabriak, D.S. Usov, E.Ya. Arkhipov // “Serebryanu vek” v Krymu: vzglyad iz XXI stoletiya: Materialy Chetvertykh Gercykovskikh chteniy v g. Sudake 6—10 iyunya 2005 / Comp. by T.N. Zhukovskaja, E.A. Kallo et al. Moscow; Simferopol; Sudak. 2007. P. 119—161.)
- [Переписка 1966] — Архив А.М. Горького: В 16 т. Т. 11. Переписка А.М. Горького с И.А. Груздевым / Ред. Б.А. Бялик. М.: Наука, 1966.
(*Arhiv A.M. Gorkogo:* In 16 vols. Vol. 11. Perepiska A.M. Gorkogo s I.A. Gruzdevim / Ed. by B.A. Bjalik. Moscow, 1966.)
- [Усов 2011] — *Усов Д.С.* Мы сведены почти на нет / Сост., подгот. текста и коммент. Т.Ф. Нешумовой: В 2 т. М.: Эллис Лак, 2011.
(*Usov D.S.* My svedeny pochti na net: In 2 vols. Moscow, 2011.)
- [Шумихин 2010] — *Шумихин С.В.* Михаил Кузмин: Жизнь подо льдом (Дневник 1929 года) // Наше наследие. 2010. № 95. С. 80—115.
(*Shumikhin S.V.* Mikhail Kuzmin: Zhizn' podo l'dom (Dnevnik 1929 goda) // *Nashe nasledie.* 2010. № 95. P. 80—115.)